

вторая и т. д., каждый разъ мы все болѣе и болѣе отчуждались другъ отъ друга. Легко себѣ представить, что при такихъ условіяхъ жизнь молодого безпорочнаго созданія, какъ я, была чистымъ адомъ. Дьявольская ревность Позднышева дошла наконецъ до того, что онъ подозрѣвалъ всякаго мужчину, говорившаго со мною о какомъ бы то ни было обыкновенномъ предметѣ, и даже ревновалъ меня къ моему первому ребенку, появленіе котораго было единственнымъ лучемъ свѣта въ моемъ мрачномъ существованіи. Затѣмъ пошли у меня другія дѣти, увеличились семейныя заботы, и мое здоровье, а главное нервы до того расшатались, что я положительно тогда же умерла бы, если-бы за мною не ухаживалъ нашъ добрый семейный докторъ, который предписалъ мнѣ временный отдыхъ, физическій и нравственный. Это послужило источникомъ новой жестокой ссоры съ Позднышевымъ, который не хотѣлъ допустить до меня мерзавцевъ докторовъ, какъ онъ ихъ называлъ. Но въ этомъ случаѣ я была тверда и послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ родительскомъ домѣ возвратилась къ нему совершенно возродившейся и веселой, какъ ребенокъ. Мнѣ тогда легче стало переносить его